

История одного фельдшера

Анастасия Этингова

Анастасия Юрьевна Этингова

История одного фельдшера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64113307

История одного фельдшера: Издательство «Союз писателей»;

Новокузнецк; 2017

ISBN 978-5-00073-776-7

Аннотация

Нелегко пришлось русской глубинке в лихие девяностые. Обеднели сёла да опустели. Разрушить, как известно, дело нехитрое, а вот восстанавливать – это уже совсем другая история. Повезло селу Маврино. Достался ему деятельный да предприимчивый глава сельсовета – Виктор Петренко. Не позарившись на прелести столичной жизни, решил он вернуться на малую родину и поднять из руин родные края. Много работы впереди, да начинать нужно с самого главного. Не могут люди без медицинской помощи обойтись, а значит, прежде всего фельдшерско-акушерский пункт привести в порядок требуется. Вместе с ним приехали настоящие энтузиасты и романтики, готовые, не жалея ни сил, ни времени, творить добро. Теперь каждый может получить своевременную помощь и дельный совет. Ведь Ярослав Крынский, главный на ФАПе, – лучший выпускник своего колледжа. А так как юноши молоды и полны энергии, их не только работа волновать будет, но и чувства, которые

поведут друзей разными дорожками навстречу счастью. Книга Анастасии Этинговой «История одного фельдшера» – это повесть о бескорыстии, чести, справедливости, сердечной теплоте и силе характера.

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	24
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анастасия Этингова

История одного фельдшера

© Этингова А. Ю., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

* * *

Глава 1

1

История... Многогранность этого слова заставляет задуматься о том, сколько же истин, сюжетов, неповторимых мгновений, значимых событий отражают эти простые семь букв. Тихая деревенская жизнь, неподвластная городской суете, несравнима с грохотом ненужных разговоров. Она – сама умиротворённость, вселенская чистота. Перед деревней склоняется природа, и только в ней правда!

История одной деревни, кучки людских душ, знающих и любящих друг друга с детства! Необъяснимо, но до боли загадочно!

Шёл две тысячи седьмой год. Село Маврино. Живописный пруд, стёртые просёлки, ароматные летние поля создавали яркую умиротворённую атмосферу. По сравнению со взбаламученным социумом шумной столицы Маврино являло собой тихую гавань, отождествление рая. Дом культуры, сельский совет и библиотека – вот и все развлечения. При селе, на удивление многим, также имелся небольшой фельдшерско-акушерский пункт, незавидный и не оснащённый даже самыми необходимыми устройствами и средствами для оказания медицинской помощи.

Глава сельского совета, товарищ Петренко, как его называли местные жители, был очень харизматичным и не по годам умным человеком. Ему исполнилось всего восемнадцать лет, когда он уехал учиться в Москву на инженера. Выучившись, он, как верный сын своей малой родины, вернулся в Маврино и решил взяться за благоустройство села. Великие планы строил наш герой! Благодаря своей коммуникабельности и разносторонним талантам он завёл немало знакомых в саване московской элиты, способных в нужный момент оказать какую-нибудь помощь. Сейчас вверенное ему самим Всевышним родное гнездо нуждалось в квалифицированных медицинских кадрах. В приоритете стоял средний медицинский персонал, в первую очередь фельдшеры, акушерки и медсёстры. «Конечно, требуется ещё и хирург, но для начала отыскать хотя бы фельдшера», – думал товарищ Петренко.

Московский медицинский колледж имени Сергея Петровича Боткина давно считался самым престижным средним медицинским учреждением профессионального образования и повсеместно славился своими грамотнейшими специалистами, начинающими учёными и будущими ведущими врачами. Одним из таких выпускников был фельдшер Ярослав Николаевич Крынский. С самого начала своего студенческого пути он отличался острым умом, необыкновенной рассудительностью, свойственной ему не по годам, страстной любовью к книгам, медицинской науке и древним ме-

дицинским архивам. Острота его ума сочеталась с мудрым, осознанным взглядом на всё, что он делает, чему учится, что планирует привнести в свою жизнь, и дополнялась добрым сердцем, состраданием, любовью к людям и немыслимой тягой помогать униженным и обездоленным, не жалея живота своего, что и стало главной целью молодого человека.

Мальчик вырос в обеспеченной семье столичных интеллигентов – писателя Николая Андреевича Крынского и его жены Лидии Витальевны. Ярослав был разносторонней личностью. Уже в раннем возрасте он начал писать стихи. «Растёт будущий писатель», – любил говаривать его отец. Но нет, эти умозаключения оказались ошибочными: под крышей успешного литератора рос будущий фельдшер, спаситель многих жизней. Когда Ярослав выбрал своё жизненное кредо, родители очень обрадовались. «Как же превосходно, сынок, что ты не пошёл по стопам своего писаки-отца, – с гордостью повторял Николай Андреевич. – Уверен: твоя судьба будет лучше и счастливее моей».

Старший Крынский считался довольно талантливым и глубоко мыслящим писателем. Его романы, очерки, рассказы, повести и новеллы выходили тираж за тиражом, публикациям не было конца. Читать его книги всегда было легко, так как Крынский не любил важных слов, пресложных умозаключений и навороченных предложений. Его герои, как времена года, менялись с каждым прочитанным романом. Писательство изматывало Николая Андреевича, но его необык-

новенные истории стали своего рода основой новой литературы двадцатого и двадцать первого веков.

Товарищ Петренко и Ярослав Крынский познакомились на мероприятии под названием Конкурс профессионального мастерства молодых талантливых специалистов Москвы, во время которого различные учебные заведения демонстрировали своих лучших студентов. «Реклама, реклама и ещё раз реклама!» – таким был лозунг мероприятия, и каждый участник хотел показать свою альма-матер в максимально выгодном свете. Медики, как известно, имели определенный карт-бланш и традиционно оказывались лучшими на всех этапах конкурса, инженеры занимали почетную вторую позицию. Но судить всех по одним критериям нельзя, поэтому жюри состояло из экспертов в двух областях. Доктора медицинских наук оценивали врачебное мастерство, а инженеры-конструкторы, соответственно, занимались своими подопечными.

После объявления результатов всех студентов пригласили в фойе на праздничный фуршет. Здесь и познакомились наши герои. Стол, расположенный у окна, рассчитан был на четыре персоны. Молодые люди со своими друзьями преисполнились решимости занять именно его для удобства предстоящей трапезы.

– Здравствуйте, ребята, – смело выразил почтение Ярослав, протягивая руку в знак приветствия. – Вы случайно не из Московского политехнического колледжа будете?

– Да, а вы, собственно, кто? – с удивлением ответил на его обращение Петренко, не забыв пожать предложенную руку.

– А мы из медицинского имени Боткина. Ну что, будем знакомы? Мы тут, похоже, единственные местные! – посмотрев собеседнику прямо в глаза, сказал Крынский.

– Как твоя фамилия? – продолжил разговор Петренко.

– Моя фамилия Крынский, имя Ярослав, отчество Николаевич, – с улыбкой ответил парень.

– Достаточно было только фамилии, – с ухмылкой заметил новый знакомый.

– А зачем тебе только фамилия? Разве ты склонен называть людей исключительно по фамилиям? – спросил Ярослав.

– Малознакомых людей – да. А тебя я вижу впервые, так что имею право, – удивившись его смелости, произнёс Петренко. – Но раз уж мы завели такой разговор, следует мне тоже отрекомендоваться. Виктор Родионович Петренко, – отчеканил молодой инженер.

– Родионович... – заметил Ярослав. – Прямо как Раскольников из романа Достоевского.

– Вижу, ты неглупый парень, раз Достоевского читаешь! Помню я его роман «Идиот», вот это игра образов! Да и «Игрок» – стоящая вещь, на мой взгляд, – не ударил в грязь лицом Петренко.

К ним подошла женщина средних лет в красном пальто и черных сапогах на высоком каблуке, шарф был повязан

вокруг шеи облегающим контуром.

– Крынский, Мальцмейков, нам пора идти, автобус ждать не будет, – выразительно, громким голосом произнесла она.

– Приятно было познакомиться, но мне пора. Может, ещё встретимся, – учтиво попрощался Ярослав.

– Всего хорошего, может быть, и увидимся, – с улыбкой ответил Петренко.

С тех пор прошло несколько лет, но судьбе было угодно свести случайных знакомых вновь, что положило начало дальнейшему развитию событий. Но самое главное – им было предначертано вместе совершить великое дело: возродить в деревне Маврино медицинскую помощь.

Будучи уже студентом четвертого курса факультета «лечебное дело», Ярослав задумывался о будущей карьере. Все его одноклассники стремились к своим голубым мечтам. Одни грезили о поступлении в мед имени Сеченова, другие собирались в медуниверситет имени Пирогова, кое-кто помышлял о стоматологическом. Только Ярослав избрал для себя профессию фельдшера. Друзья его не понимали.

– Как это, Ярик? С твоими-то интеллектуальными способностями – и не на «вышку»? – удивлялись все.

Но Ярослав с гордо поднятой головой отвечал на подобные комментарии всегда одинаково:

– Нет, друзья мои, быть фельдшером – моё призвание.

Вскоре эти слова стали его девизом, смыслом жизни, лозунгом!

Как и многие в его возрасте, Крынский страдал от юношеского максимализма и порой бывал беспечен. Он не грешил об университетском дипломе, но мечтал о семье, детях, любви на всю жизнь. Вот только подружки у него до сих пор не было. Он пафосно писал в своем личном дневнике: «Ещё ни одна девушка из всех, с кем я имел удовольствие познакомиться, не задела своей кроткой и благозвучной душой струны моего изнурённого от идей и нерастраченной любви сердца».

В канун дня, который должен был стать своего рода точкой отсчёта для будущего увлечённого благородными идеями молодого человека, товарищ Петренко, по своему обыкновению, прогуливался по тёмной аллее одного из московских парков. «Ну, теперь можно и отдохнуть, – подумал он. – Экзамен сдал, завтра в деревню. Свобода, благодать, счастье!» Ночь промчалась незаметно, он почти не спал. «Может, просто не хотелось, – написал он в своём дневнике, – а может, пришло время насладиться хоть одной спокойной, безмятежной ночью. Не так уж часто такие выпадают в Москве».

Утро. Чемоданы. Вокзал. Поезд. И наш товарищ Петренко с уверенным, полным жизни взглядом отправился в родные сердцу места. На вокзале было очень многолюдно. Ну а что вы хотели: декабрь, зимние каникулы, Новый год, долгожданный отдых. Люди вокруг были исполнены чувств, ко-

торые внушали эти четыре заветных понятия. Виктор очень соскучился по маме: тяжело ему давались отъезды, приходилось оставлять её в деревне одну. Отца он практически не помнил, поэтому мама стала для него целым миром, тем важным и до боли любимым человеком, который с верой и надеждой ждёт каникул, ждёт Нового года, ждёт своего любимого Витеньку. Она понимала, что сын её может многого добиться в жизни, не зря же он поступил в одно из лучших учебных заведений страны без связей, поблажек и взяток. Она очень гордилась своим мальчиком и, как любая мать, желала ему счастья и больших успехов!

Виктор еле пробрался через толпу, чтоб занять место в зале ожидания. Его поезд отправлялся в десять вечера, ждать оставалось всего полчаса. «Вот свободное место, здесь и сяду», – решил товарищ Петренко. И тут среди толпы он заметил знакомый силуэт. Молодой человек примерно его возраста пробирался к табло, которое висело на стене.

– Неужели это Крынский? – обрадовался Петренко. – Да, точно, это он! Крынский! Крынский! – позвал он, стараясь перекрыть царивший кругом гул.

Крынский оторвал взгляд от табло и устремил его в ту часть зала ожидания, откуда доносилась его фамилия.

– Неужели это Петренко? – удивлённо спросил себя он и тут же закричал в ответ: – Петренко!

– Здравствуй, Крынский, – сказал товарищ Петренко, когда молодые люди встретились.

– Здравствуй! Виктор, по-моему? – ответил Ярослав, приятно улыбаясь.

– Да, правильно, – кивнул тот.

– Ты тоже куда-то уезжаешь? – спросил Ярик.

– Да, еду в родную деревню, к маме. А ты?

– Моего отца пригласили на Новый год в Петербург. Вот и я тоже еду. Родители уже там, – радостно сообщил Крынский.

– Здорово! Я тоже всегда мечтал о Петербурге, столько читал о нём у Достоевского и у других классиков, – восхитился Петренко. – Кстати, как у вас экзамены в меде? Сложно, наверное? Как представляю скорую помощь и кучу лекарств, названия которых постоянно нужно держать в голове, – аж мурашки по коже.

– Нет, это не так уж и трудно. Главное – знать два-три препарата из каждой группы, болезни-то в основном повторяются. Первое время, конечно, страшновато, но потом вливаешься, привыкаешь, и всё идёт как по маслу, – говоря это, Ярослав вспомнил первый день практики на скорой. «Я мужчина, – говорил он себе, – а значит, не должен бояться трудностей и причитать, если что-то идёт не по плану».

На табло высветился номер поезда Виктора. Так. пятый путь, десятая платформа, третий вагон.

– Ладно, мне пора, Ярослав. Всего доброго, до встречи, – Петренко протянул руку для пожатия и быстрым шагом направился к лестнице, ведущей на пятый путь.

– Давай, удачи. Думаю, ещё увидимся, – улыбнулся Крынский.

Виктор вышел на десятую платформу, поезд уже подъезжал к перрону. «Домо-о-о-ой», – мысленно пропел парень и сел в шумный вагон. Молодые люди в купе играли на гитаре, пили и веселились. Он подошёл к своему купе, расположился и заварил чай. «Ехать-то всего ничего, – подумал он. – Двенадцать часов – и я на месте». После чаепития Витя принялся читать книгу Чарльза Диккенса «Большие надежды». Как же волновался он за судьбу Пипа! Его восхитил этот проворный мальчишка своей самоотверженностью, благородством и недюжинной смелостью. Время несло вперёд, наш герой ужасно устал после прошлой бессонной ночи. Быстро уснув, он открыл глаза только под утро. Его разбудил разговор двух женщин около туалета, которые что-то очень бурно обсуждали: то ли последние новости политики, то ли новые страшно высокие цены в магазинах Москвы.

– Бог ты мой, который час? – испугался парень и посмотрел на циферблат на запястье. – Уже девять! Вот так, ещё немного – и я проспал бы! Скоро выходить, надо вставать.

За окном падал пушистый снег, зимой природа стала ещё прекраснее. Берёзки да сосенки стояли в богатых белых шубках.

– Да. – подойдя к окну, протянул Петренко, – сколько прекрас! Не то что наш московский бомонд. Чем ближе к чистой деревенской атмосфере, тем лучше и праздничнее ста-

новится на душе человека.

Через несколько часов на горизонте показалась станция Маврино.

«Неужели я снова дома?» – с наслаждением подумал Петренко.

Когда Витя выходил из вагона, его взгляд остановился на женщине, на голове которой был повязан пуховый платок. Одета она была в войлочный шушун.

– Не забыла ещё порядки царской России моя старушка, – с радостью прошептал Петренко. – Мама, мамочка!

– Витя, Витенька, – со слезами на глазах отозвалась на его возгласы Ксения Михайловна.

Родные люди крепко обнялись после долгой разлуки, вложив частичку своей любви в этот немудрёный жест, идущий из глубины души.

– Дорогой мой, как же ты вырос, возмужал! – восхищаясь сыном, ворковала женщина.

– Зато ты совсем не изменилась! – комплиментом на комплимент ответил молодой человек. – Семестр тянулся как резиновый. Я с нетерпением ждал встречи с тобой и с родным Маврино.

– Пойдём же, пойдём, милый. Ты, верно, устал с дороги, я там тебе вкусностей наготовила, всё твоё любимое, – не в силах насмотреться на парня, поторопила Ксения Михайловна.

Село Маврино отдыхало в зимнем убранстве. Можно было услышать, как шелестят крыльями птицы, колышутся бе-

рѣзки, поддавшись натиску северного ветра. На полянах, усыпанных снегом, в свете солнца отражалась чистая деревенская простота.

– Как же приятно ступать по хрупкому снегу и видеть эти красоты! – в порыве чувств воскликнул товарищ Петренко.

Принадлежавший матери домик в деревне, как называл его Виктор, возвышался над остальными. Крыша, покрытая снежной шапкой, казалась пьедесталом славы. Внутри никаких элитных новшеств: всё просто, по-деревенски скромно. В парадной был накрыт стол в честь приезда дорогого гостя.

– Мама, расскажи-ка, как у нас тут, на селе, дела? Что нового? – поинтересовался Виктор.

– Ой, сынок, дела вроде и хорошо, но вот беда: люди жалуются на отсутствие в округе медиков. У старух наших то давление поднимется, то грудная жаба ест поедом, временами и вовсе сердечко начинает шалить, а обратиться не к кому. Вот на прошлой неделе две старухи померли от инфаркта, хоронили всей деревней.

– Да, понимаю, – вздохнул молодой человек. – Ну ничего, исправим, найдём мы хорошего фельдшера к нам в Маврино, тем более что есть у меня один на примете, – пообещал Виктор. – Забросил я своё село. А ещё называюсь главой сельского совета! Осталось год доучиться, вот вернусь и займусь благоустройством. Слава богу, я успел завести немало полезных знакомств.

– Спасибо, сынок, на тебя вся надежда, – глядя Витеньку

по голове, сказала Ксения Михайловна.

Утром товарищ Петренко пошёл прогуляться по деревне, оглядеть свои владения.

– Ой, Витёк, ты ли это? – завидев его, воскликнул дед Саша.

– Здорово, дед, – подавая старику руку, обрадовался Виктор.

– Экий ты важный стал! Столичный специалист, совсем позабыл родную деревню. А мы тебя главой сельсовета назначали, – с ухмылкой изрёк мужик.

– Да что ты, дед Саш, я только сессию сдал – и сразу к вам! Вот окончу институт, вернусь домой насовсем, и вместе начнём поднимать село из руин. Медиков вам привезу, школу откроем, Маврино к интернету подключим. Тогда люди, вот увидишь, снова поедут жить на природу. Устали они от больших городов, да с удобствами расстаться никак не могут. И всё у нас наладится, дед Саш, не грусти, – с улыбкой ответил товарищ Петренко.

Сельсовет стоял всё на том же месте – небольшое здание, сверху донизу покрытое снегом.

– Вот это да! А от сельсовета-то совсем ничего не осталось, единица административно-территориального деления, – с грустью констатировал факт Петренко. Открыв маленькую дверцу, он увидел три крохотных кабинета, которые занимали до боли знакомые ему люди. Комната председателя находилась в центре. «Василий Карлович Рубинский», –

было написано на двери.

«Ой, да это ж Васька Рубинский! Неужто его выбрали?» – с удивлением подумал Виктор.

Открыв дверь без стука, он увидел человека, сидящего за маленьким столиком, заваленным бумагами и разными диковинным вещами, и тут же признал в нём Василия Карловича.

– Вася, привет. Каков ты стал! – поприветствовал его Петренко.

– Виктор, ты, что ли? Сколько лет, сколько зим! Приехал всё-таки! А я тут твоё место занимаю, ты ведь у нас столичным человеком заделался, говорят, в институте учишься. Вы только посмотрите, каков молодец! Возмужал-то как! – осмотрел гостя Василий Карлович.

– Ну, столичным человеком, Вась, я никогда не буду. С деревенской душой рождён, с деревенской и умру. Тянет меня к родным полям и ветхим просёлкам, – с гордостью ответил Виктор.

– Приехал в гости али насовсем? – закончив с приветствиями, поинтересовался Василий Карлович.

– В гости пока, но уже близок тот день, когда вернусь насовсем. И не будет у меня иной цели, кроме возрождения нашего села. Мама сказала, что здесь медиков нет, люди умирают от тяжелых заболеваний, а помочь им некому. Через год я планирую исправить это непростительное упущение. Привезу к нам медицинский персонал, как стану дей-

ствительным председателем сельского совета, приглашу знакомых строителей из хорошей московской фирмы, напишем государственную петицию, попросим денежные средства и построим свою школу. А то, как я погляжу, одни старики да старухи сейчас живут в Маврино. Оснастим фельдшерско-акушерский пункт необходимым оборудованием и будем не хуже других сёл в округе, – поделился своими планами Петренко.

– Да, Виктор, великие у тебя замыслы. Ну дай бог тебе сделать всё, как задумано, а мы поможем, мужики на селе ещё остались. Строительство школы и обустройство ФАПа – задача номер один! – воскликнул Василий Карлович. – Только на всё деньги нужны, и немалые. Одной петицией тут не обойдёшься.

– Есть, Василий, у меня знакомые в правительственных кругах. Думаю, помогут они такому благородному делу. Есть и те, кто сможет дать денег под наш проект. Я уже давно вынашиваю эти идеи и успел всё тщательно продумать. Сейчас только закончу учебу и займусь своими планами. Вижу, что мне никто не в силах помочь. Нужно всё самому делать. Скажи-ка лучше, Вась, Ирина ещё работает тут?

– Иришка, что ли? Варламова, что ли? Конечно, она – пожизненный заместитель председателя сельского совета, – кивнул Василий.

– Спасибо, хотел бы с ней поговорить, – с улыбкой ответил Петренко.

Ирина Сергеевна Варламова была заместителем председателя сельского совета и по совместительству детской любовью нашего Петренко. С каждым годом Виктор всё отчётливее понимал, что та первая привязанность не оставит его, даже когда сам он станет взрослым человеком. Вот и сейчас особенно остро он ощутил, что прежние чувства не остыли. А ведь пытался он её забыть, вычеркнуть из сердца, только всё тщетно. Петренко в своём личном дневнике писал: «Любовь к этой женщине сильнее меня, с годами она преследует даже больше, чем раньше. Но я смогу её забыть, как и она меня когда-то забыла и вышла замуж за Димку Строгонова, озорника, но очень хорошего человека. Эдакого милого гения, как его называли все девочки в классе только за то, что он был необыкновенно красив, статен и подтянут, ну и обладал, конечно, острым языком и таким же острым умом».

Иришка была ужасно привлекательной девушкой. Тигровые глаза манили мальчишек жгучим огоньком, стройная фигурка, непередаваемая грация, изящные манеры и элегантная походка сводили с ума. Умная и красивая девочка. «Такого не может быть», – подумаете вы. Ан нет, друзья, очень даже может. В дневнике только пятерки, лучшие подруги, лучшие наряды, ну и, конечно, популярность у парней. Иришка выучилась на учительницу словесности и вернулась в родную деревню. Школы здесь, к сожалению, давно уже нет, и ей пришлось устроиться в сельсовет. Петренко в последнее время почти не вспоминал Ирину, а тут родные

места, проникнутые атмосферой давних дней, оживили в его сердце не утихающую музыку любви.

Дверь кабинета Ирины Сергеевны была открыта. Когда Виктор вошёл, она что-то очень внимательно искала в ящиках стола и не заметила, что в её владениях появился кто-то ещё.

– Здравствуй, Ира, – с грустью произнёс Виктор голосом, который ему самому показался чужим.

Девушка испуганно подняла глаза.

– Витя? – удивлённо воскликнула она. – Ты какими судьбами тут? Вот уж кого не ожидала увидеть! Ты вернулся? Навсегда?

– Сколько вопросов за одну секунду, – улыбнулся Петренко. – Да, я вернулся, но не навсегда, пока только в гости.

– Да, слышала я, что ты в столице учишься. Ну и как ты? Как столица? – подыскивая тему для разговора, спросила Ирина.

– Стоит пока, но, скажу тебе, чувствую я себя там неважно. Московский бомонд мне до ужаса противен, хочу скорее приехать и обосноваться в Маврино. Василий Карлович расскажет тебе о моих грандиозных планах. Столько всего надо сделать по возвращении! – честно признался Виктор.

– Ну что ж, верю в твои силы. Думаю, у такого талантливого человека, как ты, всё получится. Ты всегда и везде был первым, и я не сомневалась, что впереди у тебя интересная жизнь! А так обращайся, со своей стороны готова оказать

поддержку и помощь дорогому однокласснику, – улыбнулась Ирина Сергеевна.

Ира всегда любила Виктора как друга. Он был для неё чем-то недостижимо великим и очень важным: староста, в одиннадцатом классе назначен председателем сельского совета! Невообразимо! «Голова у него золотая, – думала Ирина, – но люблю я хулиганов».

– Спасибо, Ириша, – Петренко вдруг сменил официальный тон, забыв обо всём при виде любимой женщины. Она не догадывалась о его чувствах ни в школе, ни сейчас, и он не надеялся, что сможет его когда-нибудь полюбить. Это казалось просто невозможным. Он знал: ей нравятся такие, как Димка Строганов, он же был совсем другим!

Виктор Родионович вышел из сельсовета радостный и вдохновлённый. «Ну ничего, дорогое моё Маврино, я сделаю из тебя конфетку! Ты станешь лучшим сельским центром в области», – думал он, словно на крыльях летя по родным просторам.

И действительно, однажды имя Петренко запечатлется в летописи села Маврино. Именно он станет великим его создателем!

Геометрия города согревала Ярослава, несмотря на жуткий холод. Санкт-Петербург, северная столица России, стала вселенской обителью новогоднего настроения. Николая Андреевича Крынского вместе с семьей пригласили в Эрмитаж на бал, то бишь в Зимний дворец при государе императоре Павле I. Россыпи красок и необыкновенных женственных образов юных красавиц не смущали молодого человека, наоборот, наполняли его сердце чем-то старинным, русским, естественным. Отец в детстве читал Ярику на ночь книги девятнадцатого века, которые он сохранил до сего времени. По ним юноша знакомился с русскими традициями, русскими царями и необыкновенно притягательной историей русско-го бала. Его тяга к медицине, благородные порывы помогать людям не мешали ему приобщаться к старине и любить обычаи своих предков. Бал-маскарад «Новогоднее чудо» стал первой звёздочкой в его большой энциклопедии знаний.

– Добрый вечер, дорогой Николай Андреевич, – с игривой улыбкой приветствовала отца дама в красивом пышном платье.

– Вечер добрый, любезнейшая Софья Ивановна, рад вас видеть, – поцеловав ей руку, ответил Николай Андреевич. – Разрешите представить: супруга Лидия Витальевна и моя главная гордость – сын Ярослав.

– Здравствуйте, Лидия Витальевна, рада знакомству, – сверкнула глазами Софья Ивановна. – И вас, молодой человек, тоже рада видеть. Отец много рассказывал о вас и ваших безграничных талантах. Как я поняла, вы полевой врач, фельдшер. Благородную профессию выбрали! Готовы ли к такой самоотдаче, ведь придётся работать на скорой помощи, вероятно, в каком-нибудь селе, да и в случае войны должны будете одним из первых отправиться на фронт и заступить на пост врачевателя человеческих недугов прямо на поле боя!

– Мне тоже приятно с вами познакомиться, уважаемая Софья Ивановна. Работа сделает меня сильнее не только в профессиональном плане, но и, конечно, в духовном. Я считаю, медицина – самое великодушное ремесло в мире. В ней я могу реализовать, как вы только что подметили, свои таланты и принести настоящую пользу людям. А работа фельдшером, на мой взгляд, самая трудная из всего, что на сегодняшний день есть в медицине. Она станет отправной точкой для моего дальнейшего профессионального роста. Спасибо за заботу обо мне и искреннюю признательность! – с гордостью произнёс Ярослав.

– Слова не мальчика, но мужа, – с восхищением ответила женщина, цитируя знаменитого классика. – Прошу вас, дорогой Ярослав, танцы уже начинаются, девушки заждались столь очаровательного молодого человека.

– Благодарю, Софья Ивановна, но я пока не готов танце-

вать, разрешите немного повременить, – с грустью ответил Ярослав.

Полонез вошёл в шикарный зал Эрмитажа своей торжественной поступью. Кавалеры были одеты во фраки, девушки, словно фарфоровые куколки, красовались в роскошных бальных платьях.

– Бог ты мой! – воскликнул Ярослав. – Всё как у Толстого.

Роман «Война и мир» словно ожил в его юной неиспорченной голове!

– Здравствуй, Ярослав, я тебя знаю! Это ведь ты был тогда на конкурсе талантливых молодых специалистов Москвы! Меня зовут Михаил, я из столицы, – обратился к нему смутно знакомый юноша.

– Приятно видеть тебя, Михаил, рад встрече, – ответил Крынский, и они пожали друг другу руки.

– А что же ты не танцуешь? Сейчас как раз вальс играет, ты мог бы пригласить на танец какую-нибудь красивую юную леди. Вон, видел, какие на полонез выходили? Потрясающие! – вдохновенно сказал Михаил.

– Да, красивые, но я совсем не танцую, – покачал головой Ярослав.

– Хочешь, я тебе помогу познакомиться с девушкой? Я вижу, ты просто робеешь, но твои глаза говорят сами за себя, – учтиво предложил Михаил.

Не успели Михаил и Ярослав закончить диалог, как к ним подошли две светловолосые девушки в шикарных белых

платьях.

– Молодые люди, объявлен белый танец. Разрешите вас пригласить, – смущённо проговорила одна из девушек.

Михаил сразу же согласился и повёл красавицу в центр зала, Ярослав хотел было отказать, но чувство глубокого уважения к женскому полу взял верх, и он, пересилив себя, благородно подал девушке руку, как бы приглашая её, чтобы она не выглядела неловко.

Музыка заиграла так громко, что у Ярика зазвенело в ушах. Он никогда ещё не стоял так близко к женщине. Красота музыкального исполнения классического оркестра сражала наповал, ладони девушки были такими тёплыми, что обжигали кожу.

– Спасибо за танец, – шепнул Ярослав партнёрше, галантно поцеловав её руку.

– Вам спасибо, молодой человек, – кокетливо ответила она.

Когда-то мазурка в великосветском обществе считалась кульминацией бала, была любима публикой за изящество и грациозность. Партнёр в этом танце проявляет активность, делает прыжки антраша, во время которых в воздухе он должен ударить ногой об ногу три раза. Умелое пристукивание каблуками придаёт мазурке неповторимость и шик.

Сегодня это тоже был последний танец. Бал подходил к концу. Гости уже начинали расходиться, красочная атмосфера потихоньку меркла.

– Папа, – сказал Ярослав, – позволь мне прогуляться по ночному городу. Я очень хочу пройтись по мосту над полноводной Невой, хоть сейчас и зима, побродить по питерским улочкам.

– Ты не находишь это опасным, сын? Петербург – очень разбойный город, особенно сейчас, в ночное время, – с тревогой в голосе возразил Николай Андреевич.

– Это так, но я постараюсь быть осторожным, – твёрдо заявил Ярослав.

– Ладно, сынок, только недолго, береги себя, – с родительской заботой в голосе произнёс мужчина.

Гостиница Крынских располагалась совсем недалеко от Эрмитажа, поэтому родители быстро добрались до места. Ярославу же предстояло окунуться в полный волшебства ночной мир северной столицы.

«Ну что же, Фёдор Михайлович, не подведи», – с улыбкой на лице подумал Ярик.

Именно из его произведений молодой человек много узнал о Петербурге. На небольшом полуострове, образованном изгибом канала Грибоедова, Достоевский некогда написал свой хрестоматийный роман «Преступление и наказание».

«Невероятно, – подумал Крынский, – я стою у истоков истории Сонечки Мармеладовой и, конечно, самого главного героя Родиона Раскольникова... Ещё одно знаменательное место – доходный дом Алонкина. Тот самый особняк,

где Достоевский написал другой замечательный роман, «Игрок», после которого и получил известность. Он точно такой, каким я видел его на картинках в папиной книге, – размышлял молодой человек. – Вознесенский мост... красивое место! Именно здесь Екатерина Мармеладова обрела своё сумасшествие. До чего же восхитительно! А летом здесь проплывают корабли и парусники, дует тёплый ветерок, гуляют влюблённые парочки, наслаждаясь романтикой. Набережная Невы буквально поражает серебряным оттенком чистоты и зеркальной гладью. Наверное, только небесное блаженство может сравниться с таинственной тишиной этой замершей до времени полноводной реки».

Стоя на мосту, Ярослав поднял глаза к небу. Он любил смотреть ввысь: именно в такие минуты ему казалось, что жизнь бесконечна, многогранна и непостижима.

Завтра ему предстояло уехать из этого города с богатой историей. Тридцатое декабря две тысячи седьмого уходило в небытие. Вот-вот наступит тридцать первое, последний день уходящего года, и ему, молодому подающему надежды юноше, хотелось запомнить эти мгновения, которые, казалось, скоро повторятся. Он посмотрел на наручные часы: два ночи, в восемь самолёт – и пора в путь!

«Да уж, далеко я ушёл от гостиницы», – подумал Ярослав, бродя по спящему Петербургу.

Атмосфера мерцающего разноцветными огнями оазиса, вобравшего в себя дух прошлых эпох, не давала покоя мо-

лодому человеку, тишина спасала от множества вопросов, на которые он так и не получил ответов. Шёл мокрый снег, снежинки летели одна за другой, падая на потёртые дорожки питерских улиц. Фонари, горевшие по аллеям и перекрёсткам, сияли каким-то особенным светом, изливались на затихшие просёлки старинных домиков.

Гостиница Эрмитажа, как и все замечательные архитектурные строения исторического комплекса нашей страны, отличалась потрясающим богатством отделки: шикарные залы, комфортабельные номера и, конечно, чудесная русская кухня.

Ярослав вошёл в гостиницу и поднялся по лестнице в свой номер. Усталость сразу же овладела им, но в то же самое время его переполняли эмоции. Прожитый день оставил в душе молодого человека неизгладимое впечатление и ощущение счастья. Он с головой окунулся в историю России, добрался до самых корней и проникся стариной. Бал стал жирной точкой, поставленной в конце сегодняшнего дня.

Он сделал ещё одну запись в своём личном дневнике памяти: «Сегодня сбылась моя заветная мечта: я попал в лучший и красивейший город страны! Улочки, наполненные живым светом, до сих пор стоят у меня перед глазами. Первый бал, девушка, которую я взял под руку, шикарные наряды и музыка сводили с ума. Я в неописуемом восторге!»

Светало. Утренняя заря пробуждала город, окутывая северную столицу своей созидающей умиротворенностью.

Природа ещё спала, кроны деревьев утопали в мерцающем по всей длине веток снегу. Перебирая каждую веточку берёзки или сосенки, можно было увидеть великолепное сочетание серебристой оттеночной игры образов. От блеска только что выпавшего снега рябило в глазах, хруст под сапогами казался оглушительно громким, но в то же время ненавязчивым. Утренние пробки и слетающие с расписания маршруты утомляли, но давали почву для новых интересных событий, тут и там происходящих на улицах старинного мегаполиса.

– Лидочка, я, честно говоря, не ожидал, что в наши дни могут устраивать такие замечательные вечера. Помнишь, как любили провозглашать коммунисты: балы и прочая мишура – пережитки прошлого, они не имеют никакого отношения к главенствующей коммунистической доктрине! – с сожалением произнёс Николай Андреевич.

– Дорогой, но ведь то был закрытый бал, приглашения получили лишь избранные. Люди, которые ценят русскую культуру. Я заметила выдающихся интеллигентов, посетивших это изысканное мероприятие. Но ты прав: сказка в бывшей Стране Советов действительно стала противопоставлением всему, что мы знали в юности! – согласилась Лидия Витальевна, глядя на затянувшуюся пробку из машин.

– Сынок, посмотри время, мы не опоздаем на самолёт? – с волнением спросил Николай Андреевич.

– Нет, пап, у нас ещё целый час в запасе, успеем, – сказал Ярослав, бросив короткий взгляд на наручные часы.

Аэропорт Пулково на окраине Санкт-Петербурга считался одним из лучших в мире.

Он привлекал коренных петербуржцев и словно призывал поскорее отбросить все дела и насладиться путешествиями. И даже далеко лететь не нужно – за каких-то два часа можно добраться до столицы и вернуться обратно.

Многие гости Петербурга восхищались сдержанным изыском этого места.

– Да, далеко ещё московскому Шереметьево до вкусовой нормы Пулково, – поделилась своими соображениями Лидия Витальевна.

На табло уже объявили вылет Санкт-Петербург – Москва. И все пассажиры рейса ринулись занимать свои места в салоне Ту-134. Ярослав с семьёй расположились на своих местах. По салону в коротенькой юбочке прошлась стюардесса и громким выразительным голосом объявила, что самолёт готов к вылету:

– Уважаемые пассажиры! Самолёт, выполняющий рейс SU 034 из Санкт-Петербурга в Москву, готовится к взлёту. Просим вас пристегнуть ремни безопасности. На время взлета полки багажного отсека должны быть закрыты, спинки кресел подняты в вертикальное положение, ручная кладь размещена под сиденьем впереди стоящего кресла, шторки иллюминаторов подняты. Общий свет будет отключен. Просим вас прослушать информацию об аварийно-спасательном оборудовании, которое есть на борту.

Все мысли Ярослава были о предстоящем празднике. Он очень хотел увидеть своего друга Никиту, который со дня на день должен был прилететь в Москву из восхитительного итальянского города с богатой историей под названием Генуя. Его размышления прервала молоденькая стюардесса, которая склонилась над парнем и громко сказала:

– Молодой человек, пристегните, пожалуйста, ремень.

Видимо, погружённый в собственные мысли Ярослав не сразу заметил девушку, и ей пришлось повторить:

– Молодой человек, вы меня не слышите. Убедительная просьба пристегнуть ремень, – и она взяла его за руку.

Ярик сразу открыл глаза, возвращаясь к действительности:

– Ой, прошу прощения, задумался.

– Будьте внимательны, молодой человек. Я беспокоюсь исключительно о безопасности наших пассажиров.

Пристегнув, наконец, злосчастный ремень, Ярослав вновь окунулся в свои мысли, в некотором роде напоминавшие запутанный клубок. Итак, Никита.

Познакомились они случайно в анатомическом музее. Делегация из Италии приехала в столицу по обмену. Ещё в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году там была создана единая национальная служба здравоохранения. Особое внимание в Италии уделяется репродуктивному здоровью женщин, поэтому среди прибывших медиков были в основном гинекологи. Никита был весьма и весьма неглуп, хотя учил-

ся кое-как, но лишь по причине собственной лени, которая побеждала все другие его положительные качества. Ещё в школе парень увлёкся музыкой. После выхода в свет альбомов легендарной рок-группы The Beatles в далекие шестидесятые молодёжь всё больше интересовалась творчеством таких известных участников бой-банды, как Джон Леннон и Пол Маккартни. Никита не стал исключением. Даже спустя десятилетия с момента первого появления история коллектива и его песни не утратили своей актуальности и всё ещё вдохновляли. Гитара для Никиты была настоящим другом. И хотя ни в какие музыкальные школы он не ходил, уроки ни у кого не брал, предпочитая заниматься самостоятельно, через несколько лет он выучил все песни битлов наизусть и с удовольствием пел знакомым.

– Какой интересный парень: красивый, статный, играет на гитаре, – говорили о нём девушки.

Но Никита пока так и не нашёл своё счастье, ту самую единственную любовь отныне и присно. Конечно, время от времени подружки у него появлялись, парень-то он был не промах, но музыкант ждал настоящее чувство.

Самолёт подготовился к взлёту и встал на полосу. Ярослав откинулся в кресле. Глядя в окошко, он видел удаляющийся город, над которым простиралось бескрайнее море белых облаков. На ум пришли слова из детской песенки: «Облака, белогривые лошадки. Облака, что вы мчитесь без оглядки», – мысленно пропел он, вспоминая, как мама, когда ему

было пять лет, впервые включила этот замечательный мультфильм. Он достал из рюкзака книгу «Медицинская реабилитация» под редакцией Епифанова и Ачкасова и углубился в чтение.

Некоторые одноклассники говорили ему: «Слушай, Крынский, ты хоть о чём-нибудь, кроме учебников и науки, думать можешь? Нет, Ярый, ты конченный ботаник, пошли с нами погуляем, потусим, может, познакомишься с кем-нибудь. Мы уже взрослые парни, пора и девушками обзавестись». Но Ярослава меньше всего интересовали девушки. Он строил грандиозные планы на будущее, его детская мечта – помогать людям вдали от городской суеты – всё ещё жила в его сердце и стремилась к исполнению. Пока он читал книгу, блаженные отзвуки сна всё-таки коснулись его сознания, веки отяжелели, и он отправился в странствие по царству Морфея.

– Сынок, мы, кажется, заходим на посадку, – хлопая Ярика по плечу, сказал Николай Андреевич.

– Ой, пап, мы так быстро долетели? – сквозь сон отозвался молодой человек.

– Ярик, ты уснул, что ли? Вот и книгу задом наперёд читаешь, – улыбнулся Николай Андреевич. – Что это у тебя? Наверное, опять твоя любимая научная литература? Ой, сын, и в кого ты у меня такой академик?! Сам вроде особой тяги к учёности не испытывал, зато вот занимаюсь литературоведением, пишу, – вздохнув, добавил старший Крынский.

– Так надо же, отец, кому-то и учёным быть, наукой интересоваться. Ты же знаешь, это моя давняя мечта. Но больше всего я хочу стать фельдшером, – твёрдо сказал Ярослав.

– Ладно, сын, пристёгивайся давай, а то не сбудется твоя мечта, – иронично заметил мужчина, глядя парня по голове.

Самолет действительно шёл на посадку, земля была уже близко, но облака нависли над Шереметьево, и в окнах ничего нельзя было разглядеть. Неведомый хозяин небес напустил туману на аэропорт. К счастью, лайнер приземлился благополучно, и вскоре пассажиры рейса готовились к выходу. Ярослав отстегнул ремень, взял свой рюкзак и устремился к открытым дверям. Спускаясь по трапу, он почувствовал, как поток свежего морозного воздуха лёгким холодком пронёсся по всему его телу. «Как же я всё-таки люблю зиму», – вдохновенно подумал молодой человек.

Москва готовилась встречать Новый год: как-никак было тридцать первое декабря! Город сиял чудесными огоньками, гирлянды и прочие украшения были развешаны по всей столице, наряженные шарами и волшебными фигурками ёлки стояли на каждой улице столицы. На базарах и рынках продавали мандарины, запах предстоящего праздника витал повсюду, каждое мгновение было наполнено предвкушением чуда!

Приехав домой, Ярослав взглянул на часы. Ровно полдень. «Скоро прилетит Никита», – с воодушевлением подумал юноша.

А Никита действительно уже торопился на встречу с дорогим другом. Казалось бы, что между ними общего, кроме, разумеется, профессии? Весёлый, активный, непоседливый, не по годам коммуникабельный парень неожиданно для себя сошёлся с неимоверно талантливым столичным юношей, который часами просиживал за книгами, с каждым днём приближаясь к покорению научных вершин и исполнению грандиозных мечтаний. Многие гадали, как вообще они смогли подружиться? И было в этой их взаимной привязанности что-то пушкинское. Помните Онегина с Ленским:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень.

Безупречно, скажете вы, ведь не секрет, что противоположности очень даже притягиваются по всем законам физики, а не только согласно загадочной теореме дружбы, которую люди доказывают на протяжении всей своей жизни!

– Эх, товарищ Петренко! – размышляя о бывшем однокласснике, невольно произнесла Ирина Сергеевна, – сейчас, когда Димки уже нет со мной, мне так не хватает твоего дружеского участия. Поздно я это поняла, лишь увидев тебя вновь. И оттого, наверное, ты стал мне ещё дороже, мой дорогой друг детства.

Ирина Сергеевна была необыкновенно добрым человеком. Она не знала грусти, никогда не унывала. К ней за помощью обращались все без исключения соседи, стар или млад. Она с открытой душой принимала униженных и оскорблённых, весёлых и коммуникабельных, сдержанных и молчаливых. В ней было очень много энергии и необыкновенного света, в каждом её жесте и взгляде отражался огонёк надежды и неиссякаемой любви, отчего всем вокруг становилось тепло и уютно. Люди, которые лично знали Ирину, называли её «наша светлая надежда». Ещё в школе мечта всех мальчиков класса, она не выделяла никого, по-дружески любила каждого, писала им необыкновенно проникновенные стихи, тем самым от чистого сердца раздаривая память о себе.

Невероятный образ бывшей одноклассницы надолго засел в голове у Виктора. Он испытывал к ней нечто столь светлое и нежное, что было даже выше земной любви. Его чувство не имело ничего общего с низменной похотью, страстным

желанием обнимать и целовать, утверждая тем самым своё право на её тело. Он хотел проникнуть к ней в душу, стать её верным рыцарем без страха и упрёка, но она предпочла другого, менее достойного. Что уж тут поделаешь, видимо, его детская мечта так и останется мечтой даже спустя долгие годы разлуки.

Виктор вообще был весьма своеобразным человеком. Он, в отличие от большинства сверстников, не относился к любви как к чему-то земному. Она всегда была выше его понимания. Знающие люди говорили: «Любовь – это Бог», скептики уверяли, что это всего лишь биохимические связи в бесшабашной голове, но он не верил ни в то, ни в другое. Советский Союз давно распался, бывшие идеалы канули в Лету, и молодой совершенно точно человек не относил себя к числу ретроградов, разделяющих идеи коммунистов. Возможно, именно поэтому первая теория была ему всё-таки ближе.

Над деревней Маврино летали белые хлопья снега. Непонятно откуда явилась зимняя сказка, радующая глаз праздничным блеском и одурманивающая свежим воздухом. Петренко шёл по просёлку, как говорится, обхаживая свои владения. И вновь мысли о будущем, которое он так отчётливо видел перед собой, не давали ему покоя: «До боли люблю тебя, Маврино. Изменилось ты, моё родное село, немного одряхлело. А всё из-за того, что нет здесь праведника-созидателя, который смог бы поднять тебя из руин застоя и хаоса. Ну ничего, сразу после Нового года начнём работать над

воссозданием ФАПа и сельской школы».

По дороге в предвкушении наступающего праздника шла Ирина Сергеевна. Её глаза сияли, словно она уже прикоснулась к некоему чуду.

– Ира! – увидев её, крикнул Петренко, и голос его был проникнут радостью.

– Виктор?! – удивлённо отозвалась Ирина, заметив знакомого.

– Здравствуй! Ты с работы идёшь? – спросил Виктор.

– Да, вот освободилась – и сразу домой. Ты не представляешь, сколько отчётной документации надо было подготовить за последние четыре дня. Слава богу, сегодня был последний рывок. Теперь с чистым сердцем отправляюсь на заслуженный отдых, – улыбнулась девушка.

– А я хотел зайти к тебе, пригласить на прогулку, вспомнить молодость. Я, к сожалению, в этот раз надолго не задержусь. Уже первого вечером придётся уехать, – с грустью сказал молодой человек.

– Как? Уже завтра? – в голосе Ирины Сергеевны слышалось недоумение.

– Да, Ириш, завтра отбываю в столицу, – глядя ей прямо в глаза, повторил Петренко.

– Тогда у меня нет выбора, – с иронией ответила Ирина Сергеевна, принимая приглашение. – Ну, что стоишь, мы идём или нет?

Виктор оторопел от такой прыти со стороны Ирины. Рань-

ше он совершенно не интересовал её. И вдруг сейчас, когда школьные годы давно остались позади, у молодого человека создалось отчётливое впечатление, что она была заинтересована. Она всегда вела себя не как обычная девчонка. В её образе сочетались мудрость и женственность, что не так часто встречается в молодом возрасте!

– Тебе точно удобно? А то я буду чувствовать себя некомфортно, если посягну на твоё свободное время, – как никогда нежно спросил Виктор.

– Петренко, ты не меняешься! Это я буду чувствовать себя виноватой, если не проведу время с хорошим другом детства, – улыбнулась Ирина.

– Знаешь, я хочу тебе показать своё любимое место. Я часто бегал туда, когда был маленьким. Оно необыкновенное, особенно в Новый год. Там можно загадать желание, и оно обязательно сбудется, – с наслаждением произнёс Виктор.

Вдоль зимнего раздольного косогора расстилалась снежная тропинка, которая привела наших героев в царство белок. Помните, как у Пушкина:

Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые...

Сказкой дышал сам воздух в этом чудесном лесном уголке, где поселился праздник. Можно было легко представить

себе домик с очаровательными зверьками, скрытый от глаз пуховыми пелеринами наряженных ёлочек. И, если внимательно приглядеться, становилось понятно, что затейливые хозяйшкы-белкы сутились не просто так. Они наряжали красавицу-ёлочку, вешая на неё новогодние игрушки и мишуру разных цветов. Тем временем другие белкы примеряли шубкы Деда Мороза и Снегурочки, играли с маленькими бельчатами, водили хороводы и дарили подарки.

Виктор с Ириной шли вдоль тропинки.

– Смотри, какая красота вокруг! Как блестит снег! Вот сижу я в своём сельсоветском кабинете и не вижу этого прекрасного убранства. Спасибо тебе за это новогоднее чудо! – с восторгом сказала Ирина Сергеевна.

– Подожди, Ириш, благодарить, всё самое удивительное и прекрасное ещё впереди! Это моя тайна, хочу, чтобы она стала нашей общей! – ответил Виктор; чувства переполняли его. – Вот мы и пришли. Смотри!

– Ах, какая прелесть! Белкы словно наряжают ёлку к Новому году! Смотри! Смотри! Бельчата такие миленькие, орешкы грызут! А вон белочка песенку поёт! Ой, вот это да! Белочка, переодетая в костюм Снегурочки! – воскликнула Ирина, поражённая необыкновенным зрелищем. – Где ты нашёл таких белочек-затейниц? Прямо целое царство, и все такие красивые. Вон, погляди, бельчонок бежит к нам.

Ирина Сергеевна взяла бельчонок на руки. Почувствовав теплоту её ладони, зверёк свернулся клубочком. Она прижа-

ла его к своей груди, чтобы малыш согрелся.

– Посмотри, Витя, он весь дрожит! Давай возьмём его с собой? – обратилась девушка к спутнику.

– Ну что ты, Ирочка, не надо. У него ведь мама с папой есть, потеряют ещё, – восхищаясь добротой любимой, ответил Виктор. – Теперь ты знаешь мою детскую тайну. Я нашёл белочек в лесу и соорудил для них жилище. Вон, смотри, домик какой. Но потом я стал замечать, что зверьки эти не простые, сразу сказку вспомнил, которую мне мама в детстве читала. И действительно, волшебные белочки здесь живут, умненькие. Я каждый год, как приезжаю, прихожу сюда и наблюдаю за ними. А они ждут меня в гости.

– Как чудесно! Петренко, а ты, оказывается, романтик, – не ожидая от себя самой такого признания, произнесла Ирина Сергеевна.

– Знаешь, я вдруг понял, что лучшие мамы – это животные. Вон, гляди, как белочка наряжает своего сыночка к новогоднему празднику, – любуясь пушистыми животными, произнёс Виктор.

– Я никогда не могла подумать, что такое бывает. Белки словно превратились в людей, – усмехнувшись, сказала девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.